Е. И. Филина

ВЛИЯНИЕ ПРИДВОРНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ НА ДУХОВНОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА НАЧАЛА 40-х гг. XVII в.

(Прения о вере, возникшие по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны)

30—50-е гг. XVII в. были важным периодом для развития русской государственности. Именно в это время решался вопрос: пойдет ли Россия по пути совершенствования сословно-представительной монархии или перерастания ее в абсолютизм. Борьба этих двух начал выявила противоречия и противоборство в среде господствующего класса, что привело к созданию придворных группировок, отстаивающих противоположные варианты дальнейшего развития государства.

В начале 1640-х гг. вновь встал вопрос о порядке наследования престола, т. к. не был четко определен способ замещения трона. К этому времени сохраняли свою силу две традиции: наследственная и выборная, возникающая в России в Смутное время. Известно, что Михаил Федорович связывал определенные надежды в плане наследования русского престола с датским принцем Вальдемаром [1]. Естественно, такое намерение вызвало неоднозначную реакцию при русском дворе, обострив политическую борьбу. Придворные разделились на две противоположные группировки. Первая (Ф. И. Шереметев, кн. Б. М. Лыков, Стрешневы, кн. С. И. Шаховской, кн. И. Н. Хованский и др.) была согласна с замыслами царя, но преследовала иные, собственные цели. Ее устраивал выборный царь-иностранец, фигу-

ра скорее марионеточная, чем обладающая реальной властью. Они ограничили бы его власть, предварительно дав ему подписать бумагу, аналогичную той, что подписал польский королевич Владислав в 1610 г.

Вторая группировка имела традиционную точку зрения о наследственной передаче трона старшему сыну. Они поддерживали идею единой самодержавной власти. В лице Алексея Михайловича им виделся символ этой власти. «Партия Львова–Морозова» (патриарх Иосиф, кн. А. М. Львов, Б. И. Морозов, кн. А. Н. Трубецкой, М. М. Салтыков, С. М. Проестев и др.) выступала против династического союза с Данией и всячески пыталась отложить свадьбу русской царевны[2].

В процессе подготовки династического брака возникла проблема, обойти которую, казалось, не было возможности: Вальдемар наотрез отказался поменять веру и вторично креститься по православному обряду. Сторонники брака использовали любые средства для положительного решения дела, однако противники приложили немалые усилия, чтобы расстроить брачный договор.

Действия оппозиции натолкнулись на политику правительства, направленную на привлечение иностранцев в Московское государство. Таким способом правительство рассчитывало наладить внешнюю торговлю, а также поднять российскую экономику до уровня европейских стран. В Россию приезжали иностранные купцы (английские, голландские, датские, шведские и др.). Торговля иноземных купцов приносила большую экономическую выгоду. Только в Архангельске одних пошлин платили до 300 тыс. рублей Были случаи, когда иностранные купцы занимались промыслами (канатное дело, золотое и серебряное дело и др.). Они знакомили русских с техническими достижениями Европы, изделиями мануфактурного производства, способствуя промышленному развитию страны. В Россию также приглашались доктора, аптекари, техники, мастера пушечного дела, кузнецы, архитекторы, мастера бархатных дел и многие другие. Особенно увеличилось число иноземцев, когда правительство стало вербовать за границей целые полки из иностранцев (из Швеции, где была лучшая европейская армия, Англии, Дании, Голландии).

В середине XVII в. Адам Олеарий насчитывал до тысячи служилых и торговавших в Москве иностранцев[4]. Через них русские воспринимали западную культуру, религиозные обычаи европейцев. «Москвитяне терпят всякого рода вероисповедания и охотно ведут дела с разными народностями (с лютеранами, кальвинистами, армянами, татарами, персиянами, турками), но папистов и жидов не любят»[5] Нанимая иноземцев к себе на службу, московское правительство пользовалось услугами, главным образом, лютеран и кальвинистов. Католиков приглашали лишь в крайнем случае, т. к. видеть их у себя не хотели. Русские питали ненависть к католикам из-за давних враждебных отношений с Польшей, которая хотела насадить в Московском государстве католичество. Неприязнь к папству еще более возросла во время Тридцатилетней войны в связи с желанием Габсбургов установить свою веру по всей Европе. Поэтому в наказе А. Лесли, которому было поручено нанимать иностранцев на русскую службу за границей, специально оговаривался пункт о вере: «наймовать ратных людей добрых и верных, а францужан и иных папенские веры не наймовати». Похожее условие читаем в договоре 1634 г. между Россией и Голштинией: «римские веры попов и учителей и никаких латынския веры людей с собою им в Московское государство не привозити и тайно у себя не держати; а кто привезет и учнет держати тайно и тех казнити смертию»[6]

Католикам в Московском государстве было запрещено строить свои церкви, французам заниматься свободной торговлей, им также отказано в свободном отправлении религиозных обрядов, в присутствии католических священников, в своем суде.

Протестантизм вызывал у русских более благосклонное отношение. Количество протестантов, судя по переписи Иноземного приказа, к середине XVII в. достигло примерно пятисот человек[7] «Лютеране и кальвинисты везде встречаются по Руси по торговым и промышленным делам, которые обширно ведут с русскими, они с удовольствием принимаются в Москве при дворе на домашнюю и полевую службу его царского величества»[8]. Более того, в русском обществе были люди, которые под влиянием протестанского мышления стали критически оценивать незыблемые постулаты православного учения. Среди них

мы находим кн. С. И. Шаховского, писателя, публициста первой половины XVII в., известного своими умеренными взглядами. Посланный навстречу королевичу в Тверь 29 декабря 1643 г. он, вероятно, уже тогда сблизился с ним и «с своими советники во всем добра хотел и беспрестанно мыслил и делал еретическое и богомерзкое дело»[10] Когда настойчивое желание московского двора устроить брак натолкнулось на решительный отказ жениха переменить веру, Шаховской, как знаток богословских тонкостей, попробовал найти канонический выход из создавшегося положения. За разъяснениями к князю обратился царский духовник, благовещенский протопоп Никита. На его вопрос: «Напал де на нас узол, надобно его розвязать?» – Семен Иванович отвечает: «Узол мочно розвязат и королевича ввести в церковь некрещена», т. к. в Писании сказано, что «святитца муж неверен от жены верны и святитца жена неверна о муже верне» (1 Коринф. VII: 12–14)[11].

Но гораздо больше при московском дворе было т. н. «охранителей», которые, имея «девственно-православное» мировоззрение, воспринимали малейшее отклонение от него «в штыки». Так, например, на мнение Шаховского бояре-противники ответили взрывом возмущения. Они вынудили царя отправить князя в ссылку на далекое воеводство в Усть-Колу, потом в Устюг[12]; в 1647 г. он был в ссылке в Томске[13] в 1649 г. обвинен в отступничестве от православной веры и приговорен к сожжению, замененному ссылкой в Соль-Вычегодскую[14].

Противники брака, возглавляемые кн. А. М. Львовым и патриархом Иосифом, воспользовавшись недовольством русских торговых людей засилием иностранных купцов, развернули широкую антипротестанскую пропаганду, чтобы скомпрометировать в глазах московского общества протестанскую веру и саму идею династического союза с Данией. Таким образом они попытались переориентировать общественное мнение и направить «народный гнев» на лютеран и кальвинистов.

Началось с богословской полемики. Писались целые трактаты, направленные против протестанских учений. В русской книжности XVII в. вновь разгорелись яростные споры о допустимых пределах, характере и объеме культурных связей с другими странами. Частью этой полемики явились богословские

споры о способе присоединения иноверцев к православию. В православии все «отступники» делились на три категории:

1. еретики;
2. раскольники;
3. «самочинники».

Этому делению соответствовали три чина принятия иноверных христиан в православие: через перекрещивание, миропомазание и покаяние[15]. К началу XVII в. в греческой церкви протестантов и католиков принимали соответственно первым и вторым чином. Крутицкий митрополит Иона, управлявший русской церковью в 1614–1619 гг. до возвращения Филарета из плена, попытался нарушить традицию и выступил против перекрещивания католиков при принятии ими православия. Это так возмутило Филарета, что в 1620 г. был созван Освященный Собор для суда над «еретиком»-митрополитом. Участники Собора ужесточили способ принятия в православие: отныне впредь заново крестили не только пожелавших сменить веру католиков, но даже крещеных через обливание единоверных белорусов[16]

В 1639 г. Печатный приказ, возглавляемый кн. А. М. Львовым, вновь обратился к деяниям Освященного Собора 1620 г. и напечатал соборные приговоры в мирском и иноческом Требниках[17] В них издатели поместили также «Чин и устав» принятия в православие новообращенных из других конфессий с добавлением критики основных положений протестантизма, источником которой явилось «Изложение на Люторы» Ивана Наседки[18]. Деятельность последнего в Печатном приказе началась как раз в то же время, когда там печатали Требники (конец 1638 – первая пол. 1639 г.). А. П. Голубцов, таким образом, считал доказанным авторство Наседки в отношении Требников[19]

Были также напечатаны византийские сборники церковных правил (Номоканоны), где помещены статьи, регулирующие поведение верующих в быту. Православным воспрещалось заходить в еретические храмы, участвовать в религиозных праздниках и трапезах иноверцев, приглашать к больному врача-иноверца, совместное мытье в бане и т. д.[20] Всем этим хотели показать, что «еретик всяк неприятен правоверными».

В это же время[21] Иван Наседка написал два поэтических комментария к «Изложению на Люторы», один из которых имел название «Написание о лютом враге Мартине, в лепоту рещи — о блядивом сыне, иже вся ереси в все концы ввел и всех их во дно адово свел»[22].

В августе 1642 г. был напечатан сборник избранных слов о почитании святых икон («Соборник, слова избранныя о чести святых икон и о поклонении», или «Слова избранныя»), направленный против иконоборцев. Авторами сборника являлись протопоп Михаил Рогов, ключарь Иван Наседка, старец Савватий, Шестак Мартемьянов и Захарий Афанасьев. В этот сборник специально были включены статьи Зиновия, инока Новгородской Отенской пустыни, написанные против современного ему учения Феодосия Косого. Здесь же эти статьи были обозначены направленными «на ересь новых развратников православныя християнския веры» Лютера, Кальвина и Феодосия Косого. В соответствии с этим изменен и текст статей: мнения, приписывавшиеся ранее одному Феодосию, теперь опровергаются как принадлежащие Лютеру и Кальвину и вообще «безбожным» лютеро-кальвинам и иным иконоборцам[23]

Сам патриарх выпустил сборник-поучение к пастве («патриаршее поучение»), напечатанное в августе 1643 г.[24] Поводом для составления «Патриашего поучения» явилась эпидемия сибирской язвы летом этого года[25] Но истинная причина, видимо, скрывалась в нежелании патриарха способствовать успешному завершению дела о женитьбе датского принца на русской царевне. Например, в его «поучении» есть такие слова: «У каждой страны свои законы и отчина. Не переходит одна к другой, но всякая своих обычаев держится, а мы осквернились в беззакониях разных стран перенявши у них злые обычаи»[26]. Патриарх, таким образом, осуждает попытки заинтересованных бояр обвенчать православную царевну с иноверным принцем без перемены веры женихом.

В августе 1643 г. начала печататься и в апреле 1644 г. выпущена «Кириллова книга». Ее составителями были хорошо известные в богословских и литературных кругах люди: московский протопоп собора Черниговских чудотворцев Михаил Рогов, ключарь московского Успенского собора Иван Наседка,

справщики Печатного двора Шестак Мартемьянов и Захарий Афанасьев Подосенов. В основе «Кирилловой книги» лежала антикатолическая и антипротестанская полемика конца XVI – начала XVII в. Причем если несогласие с католичеством и армянским учением обозначались четко и по отдельным пунктам, то указание особенностей лютеранства еще не выделилось в определенную форму и было ограничено общей характеристикой, хотя проникнутой духом непримиримости. Раздел против протестанских учений заимствован преимущественно из киевской (Азариевой) «Книги о вере»[27], из «Изложения на Люторы», «Просветителя Литовского I»[2] и др. По мнению А. В. Карташева, «“Кириллова книга” была спешно скомбинирована и напечатана на предмет состязаний в вере и убеждения королевича Вольдемара»[29].

Таким образом, четко прослеживается специально организованная антипротестантская пропаганда на страницах московских изданий в конце 1630-х – начале 1640-х гг., т. к. Московский печатный двор выпускал в основном не оригинальные произведения, а ранее известную полемику. Напечатанные еще раз в эти годы, такие сборники способствовали складыванию негативного отношения к протестанской вере и обычаям в русском обществе. У истоков этой кампании стояли одни и те же люди. Политические противники брака с датским принцем кн. А. М. Львов и патриарх Иосиф умело использовали печать, завербовав себе на службу лучших и ревностных богословов того времени – И. Наседку и М. Рогова.

Еще одной особенностью полемики явилось бурное обсуждение проблемы крещения. Так, составители «Кирилловой книги» нашли своевременным обосновать необходимость перекрещивания западных иноверцев, обращающихся в православие (гл. 27), поместив для этой цели упомянутое выше соборное определение 1620 г. патриарха Филарета.

Помимо литературной борьбы оппозиция поддерживала широкое движение против иноземцев. При Михаиле Федоровиче лютеранам и кальвинистам было дозволено свободно отправлять свой культ в своих особых церквах. В 20-х гг. XVII столетия в Москве было две лютеранские кирхи и одна реформаторская церковь; более того, реформаторы рядом с деревянной часов-

ней стали строить большой каменный храм, не получив на это разрешения правительства. Однако, не желая портить отношения, московские власти смотрели на это сквозь пальцы. Иноземцы даже жили в Москве не в специально отведенных для них местах, хотя таковые были[30], а прямо среди горожан

Патриарх Иосиф не любил иностранцев. При нем начались открытые выступления московского духовенства против совместного проживания с «немцами». Сам Иосиф вместе со своими сторонниками среди бояр хотел выжить из Москвы не только торговых иноземцев, но и иностранных офицеров, живших в столице.

2 марта 1643 г. причты одинадцати московских церквей подали челобитную царю, в которой просили высылки иноземцев из вновь приобретенных ими домов запрещения в дальнейшем покупать дворы и дворовые места, а также жаловались, что «в их де приходех немцы на своих дворех близко церквей поставили ропаты (иноверные храмы. – *Е. Ф.*) и русских людей немцы у себя во дворех держат и всякое оскверне бывает и от тех немцев приходы их пустеют»

Русские торговые люди также были недовольны засилием иностранных купцов. Челобитные с жалобами на иноземцев так и сыпались в московские приказы и царю. Под нажимом оппозиции царь вынужден был частично удовлетворить их просьбу: ропаты, которые «у немцев поставлены на дворах близко русских церквей, сломать и по всей Москве дворов и дворовых мест немцам и немкам-вдовам у русских людей не покупать» Все «немецкие» церкви были разрушены. Таким образом, просматривается тонкий расчет оппозиции: молва о разрушении в Москве кирх должна была дойти до Копенгагена и помешать сватовству датского принца.

Иноземцы стали хлопотать о разрешении поставить новую кирху. Доктора И. Белоу, А. Граман, В. Сибелиста через начальника Аптекарского приказа ближнего боярина Ф. И. Шереметева 4 мая 1643 г. обратились к царю с челобитной. В это время из Дании вернулся Петр Марселис, доверенное лицо царя Михаила и привез королевскую грамоту с требованием для Вальдемара и его свиты свободы веры и места для сооружения своей кирхи. Брачное дело Вальдемара очень

помогло лютеранам в восстановлении их храмов. Иноземцы получили на свою просьбу положительный ответ: был выделен участок земли между Фроловскими и Покровскими воротами для постройки новой кирхи.

Разрешение правительства построить кирху было очень важным шагом. В условиях идеологических нападок на протестантов эта их маленькая победа свидетельствовала о том, как много значил принц Вальдемар для Михаила Федоровича, если царь ради него пошел против общественного мнения и восстановил лютеранам свободу богослужения, только что отнятую у всех протестантов.

Вся эта антипротестанская кампания развернулась накануне брака царевны Ирины Михайловны с датским принцем Вальдемаром с единственной целью не допустить предполагавшийся союз. С большим трудом Петру Марселису, несмотря на все противодействие оппозиции, удалось заключить брачный договор с датским королем, т. к. Христиан IV ни под каким видом не соглашался, чтобы его сын переменил веру[37] Русский царь хотел, чтобы Вальдемар под любым предлогом оказался в Москве. Для этого московские послы пошли на уловку и обещали принцу свободу веры. Михаил Федорович рассчитывал убедить королевича в истинности православия и, в дальнейшем, его принятия. По прибытии Вальдемара в Москву в январе 1644 г. пункт брачного договора о свободе веры был еще раз подтвержден.

Однако 8 февраля 1644 г. патриарх Иосиф прислал к королевичу бывшего резидента в Швеции, принявшего православие, Дмитрия Францбекова с пожеланием царя и патриарха соединиться с ними в единой православной вере греческого закона. Королевич, уповая на договор, заявил, что перекрещиваться не будет, и если дело не состоится, то просил отпустить домой в Данию. Францбеков передал просьбу патриарха: не угодно ли Вальдемару поговорить о вере от книг с духовными людьми. Королевич отвечал: «Я сам грамотен лучше всякого попа, Библию прочел пять раз и всю ее помню; а если угодно поговорить со мною от книг, то я говорить и слушать готов»[38]

Так начались споры о вере: русские решили убедить протестантов в превосходстве православия. В Москве рассчитывали

на то, что ни принц, ни его свита не сильны в богословной науке, тогда как среди русского духовенства имелось несколько лиц, которых считали вполне способными доказать несостоятельность лютеранского учения. Москва подняла на ноги всех своих богословов и придала прениям о вере чрезвычайно серьезный характер. Впервые в истории Московского государства организовывались публичные религиозные споры с иноверцами. «Это было особенное, дотоле никогда невиданное в Москве дело не только религиозное, но и политическое, тесно связанное с брачным вопросом в царской семье»

Прения о вере вызвали огромный интерес в московском обществе. Они вышли за рамки Посольского приказа и превратились в публичные дебаты. Споры велись в царских палатах, в доме резидента Францбекова, в частных домах и т. д. «Прения проходили при тысячах народа»[10]

Делали переводы с немецкого посланий и докладов, присланных в Посольский приказ датчанами. На русском и греческом языках писали миряне и иноки, дьяки и князья, русские и греки. Было создано огромное количество списков прений, один из которых был преподнесен Г. Г. Пушкиным царю Михаилу в 1644—1645 гг. Несмотря на то что он представляет значительное сокращение с иностранного списка прений, государь высоко оценил его и «указа сию книгу положити в казну святейшаго патриарха в особый ящик, который за его, великаго государя печатью и запечатали из ближней канцелярии»[11] Патриарх Никон, не желая, чтобы этот ценный материал лежал мертвым грузом в казне, скрепил список своей подписью и отправил в 1661 г. в Воскресенский монастырь.

В прениях участвовали с русской стороны Иван Наседка, Михаил Рогов, благовещенский протопоп Никита, строитель костромской Геннадиевой пустыни Исаакий, греческие архимандриты Анфим и Парфений, кн. Дмитрий Далматский, Дмитрий Францбеков и др. Датскую сторону представляли принц Вальдемар, приехавший с ним пастор Матиас Велхавер (русские его называли Матвей Фильгабер), их поддерживали польский посол Гавриил Стемпковский, П. Марселис.

Главная задача прений состояла в том, чтобы доказать истинность православной веры, что она выше всех остальных кон-

фессий, что русский православный догмат – эталон истинной веры, и убедить датского принца в необходимости повторного крещения по православному обряду.

Начал прения сам патриарх Иосиф. В своем послании Вальдемару от 21 апреля 1644 г. он очертил круг вопросов, по которым православная церковь считает лютеранство ересью. Главный вопрос – вопрос о крещении, т. к. в этом состояло основное отличие православного и лютеранского обрядов. Протестантское крещение совершается через обливание или окропление, тогда как православное – через трехкратное погружение. Далее, протестантство отвергает некоторые православные обычаи: поклонение иконам; соблюдение постов; почитание преданий св. отцов церкви и т. д. Поэтому патриарх настоятельно просил датского принца «безо всякого размышления и спору избрати лучшее не токмо в нынешнем венце, но и в грядущий век, и животе вечнем, присвоитися бы тебе святей соборней и апостольской восточной церкви греческого православия, и приняли б святое крещение во святую и единосущную неразделимую Троицу»[42].

На послание патриарха от лица королевича отвечал пастор М. Фильгабер. Эта «отповедь» состояла из двадцати глав и была направлена на то, чтобы раз и навсегда положить конец этим бессмысленным спорам. Поэтому пастор очень подробно с ссылками на святое Писание доказывал русским, что лютеранская вера ничуть не хуже православной, а даже истиннее, т. к. источником веры для лютеран является сама Библия[43]

Ссылаясь на Библию, датчане говорили о том, что люди разной веры могут вступать в брак: «двем персонам в разных верах по Божьей волне добре мочно законный брак принять. Павел речет: что неверен муж святится о жене верне, а не верна жена святится о муже верне, а только бы не так, и дети б их были нечисты, а ныне они чисты» (1 Коринф.VII: 12–14)[44].

Пастор вместе с датским принцем убедительно доказывали, что их вера в основных посылках совпадает с православием: учение о Христе лютеран соответствует Евангелиям, вместе с православными веруют в спасение, принимают символ апостольской церкви («мы, как вы, веруем в Бога Отца, Бога Сына, Бога Святого Духа»), как и православные, признают все семь

Вселенских соборов и согласны с их постановлениями (пастор указал, что у православных седьмой собор неточно переведен на русский язык, а у них — в подлиннике, на греческом).

Все различия протестантов и православных исходят из текстов св. Писания, т. к. лютеране строго его придерживаются и более ничего за истину не принимают. Если в Библии написано так, а последующие решения соборов каким-либо образом противоречат Св. Писанию, то истина — в Библии. Православные тоже принимают Библию, но делят ее на две части:

1. Пророки и иные книги Ветхого Завета;
2. Новый Завет.

Именно последнего больше придерживаются. Но истина находится и в Ветхом, и в Новом Завете, как считают лютеране.

Русские убеждены, что в таинстве причастия хлеб должен быть только квасной, а вино — смешанное с водой. Пастор опровергает это, подчеркивая, что в Библии никакого явственного указания по этому поводу нет, и, следовательно, кто хочет кислый, а кто — пресный хлеб иметь, на выбор. «А вино мы предпочитаем не разбавленное», — говорит Фильгабер, ссылаясь на Евангелие от Матфея (XXVI: 29) [45].

Протестанты не поклоняются святым образам, т. к. нельзя Господу Богу молиться через образ: сам Бог называет это идолопоклонством. Лютеране смотрят на дела Господни. Пастор указывал, что кроме Библии они почитают и другие книги; эти книги ставятся в отдельные чистые места и берутся только чистыми руками, и образы Христовы тоже ставят в отдельные места и смотрят на них с умилением, но не молятся, т. к. Бог не велел. Надо Богу поклоняться, а не образу, т. к. образ пошел не от Христа и не от апостолов, а от жены, которую исцелил Христос. Она оставила о нем память, поставив образ. На VI Вселенском соборе (680 г.) разрешили держать образа в домах и церквах, но не молиться. На VII Вселенском соборе, вопреки слову Божьему и решению прежних соборов, приказали воздавать честь образам, целовать, кланяться перед ними, но не молиться. А уже позже папа «безбожно» заявил, что в образах спасение. «...И вы, русские, приняли образы. Вот Господь пусть рассудит, какая вера старее: ваша или наша» [46].

Патриарх обвинял лютеран в отрицании постов. Протестанты считают постом умеренность: чтобы человек лишнего не пил и не переедал (Лук. XXI: 34). «Единый постный день, – говорит пастор, – это 10 июля, как написано в III книге Моисея (Лев. XVI: 29). В Новом Завете не указано дней, недель, месяцев, в которые надо поститься». Православные понимают под истинным постом отказ от питья, еды и вина. Христос постился 40 дней и 40 ночей и тем показал свой божественный чин и силу. Пастор на это возражал, что такого поста нам не выдержать, поэтому с нас и не надо спрашивать.

Главный вопрос прений – вопрос о крещении – был обстоятельно разобран пастором Фильгабером. Православное крещение состоит из тройного погружения по апостольскому учению и по решению семи Вселенских соборов. После первого погружения священник говорит: «Погружаю тебя во имя Отца, аминь», после второго – «погружаю тебя во имя Сына, аминь», после третьего – «погружаю тебя во имя Св. Духа, аминь». Лютеране не отвергают это крещение, но в нем есть разногласия со Св. Писанием. Вы считаете православное крещение прямым и под воду погружаете потому, что Христос три дня мертв был, предполагая, что крещение производится в погребение. А ведь в Евангелиях он воскрес из мертвых через две ночи и один день (Матф. XXVII–XXVIII; Марк. XV–XVI; Лук. XXIII–XXIV). Он пробыл мертвым 39 часов, даже двух суток не будет. И поэтому ваше тройное погружение против времени пребывания Христа мертвым не получается. Вы уверяете, что погружал Иоанн Креститель всего Христа в Иордан и после за волосы тащил. Можно ли было одному Иоанну, уже пожилому человеку, опустить и вынуть из воды взрослого человека одной рукой, да при быстром течении. А в Деяниях (II: 41) сказано, что в один день до трех тысяч душ вышло к Иордану. Как было возможно руками своими столько тысяч людей в воду погрузить и за голову вынуть? Матфей не писал, что Христос крестился погружением (Матф. III: 15–16). Христос вышел из воды (войдя в нее до колена, как считают лютеране), а не за голову его оттуда вытащили. Лютеране признают: черпая воду из Иордана, Иоанн обливал во имя Отца и Сына и Св. Духа. Погружение или обливание – все едино. Сила крещения не в воде, а в действии

Св. Духа, который при крещении на нас излит. Нигде не написано, чтобы один человек был дважды крещен[17] Пастор добавил: «У вас плохим делом почитают премену веры и у нас за это бездельниками и изменниками почитают. Как же, если мы Богу своему не верны будем, то как нам верными быть его царскому величеству»[18].

Второе послание патриарха воспринималось датчанами уже иронически. По их подсчетам, оно насчитывало 48 сажень. Автором его, скорее всего, был Иван Наседка. Он не мог признать единым крещение и говорил, что веры разные.

После обмена ни к чему не приведшими письменными посланиями перешли к открытым прениям. Первая встреча состоялась 28 мая 1644 г. в доме Дмитрия Францбекова. На следущий день датский принц отправил царю Михаилу письмо, в котором сделал анализ вчерашнего «дружного разгвора» и пришел к выводу, что все споры по поводу крещения велись, в основном, вокруг перевода слова «баптицо». Русские уверяли, что оно имеет только одно значение – «вгружати», а датчане доказывали, что «ровно столько же называется окропити или обливати как то называется вгружати. Крещение погружением также добро как обливанием»[19]

Но главное, королевич доводит до сведения царя, что «вашему царскому величеству не все подлинно объявлено» о прениях. Вальдемар беспокоился, «что о нашей вере может быть дурная слава», т. к. это распускают люди, которые хотят помешать «великому делу, которое меж нашим государем отцом и вашим царским величеством справедливо учинено по договорам» Датский принц прямо намекает на идущую вокруг этого дела придворную борьбу говорит, что все заявления противников брака о лютеранском крещении, считающемся у православных не прямым, – лукавство и направлены на то, чтобы помешать «великому доброму делу». Для выяснения правды о лютеранской вере королевич предлагает Михаилу Федоровичу самому во всем разобраться и присутствовать на диспуте. Однако царь не смог удовлетворить просьбу Вальдемара, т. к. от большого расположения к принцу Михаил Федорович мог признать протестанские доводы верными и постановить не перекрещивать королевича. Но это шло вразрез с решением Освященного

собора 1620 г. и общим настроем духовенства. Кроме того, в вопросах веры царь не мог выступить против патриарха. Об этой традиции царю напоминает кн. С. И. Шаховской: «Тебе, государю, благочестиву сущи без благословения патриаршеского и всего духовного чину самовластно того учинити не возможно»[52]. Известно, что патриарх Иосиф, ревностный противник брака, находился в конфликте с царем Михаилом

Петр Марселис в своем письме[54] в поддержку лютеранского крещения просил не устраивать больше никаких диспутов, т. к. «в том мало доброго совершаетца потому что те люди, которые в том сходе (диспуте. – *Е. Ф.*) сидели, не смеют правды сказать, хотя они и лжи ведают» Марселис вновь намекает на борьбу, ведущуюся вокруг брачного союза в придворных кругах, и предлагает допросить посыльных, т. к. очевидно, кто-то «фильтрует» донесения о прениях царю.

4 июля 1645 г. был проведен последний публичный диспут в Посольском приказе. Дебаты вновь развернулись вокруг основного вопроса о крещении. Пастор доказывал, что совершаемое у лютеран крещение – истинное, законное, и потому несправедливо требовать вторичного крещения принца. Все равно, совершается ли оно через обливание или окропление, как у лютеран, или через трехкратное погружение, как у русских. Фильгабер, отстаивая свободу вероисповедания датского принца, ссылался на исторические факты: Иван Васильевич III выдал свою дочь за польского короля Александра, Иван Васильевич IV отдал за шлезвиг-голштинского герцога Магнуса свою племянницу, царь Борис Годунов призвал для своей дочери в женихи герцога голштинского Иоанна. Важен пример молдавского господяря Василия Лупула. Православный по вере, он выдал свою дочь за польского князя Яна Радзивилла. Константинопольский патриарх, в зависимости от которого находилась в то время молдовлахийская митрополия, признал законным и утвердил этот смешанный брак.

На все доводы датчане получили вполне определенный ответ: Иван Васильевич III выдал свою дочь не за лютеранина, а за латинянина, латиняне же хотя и отпали от православной церкви и учение их еретическое, но все же у них есть постановление кардиналов и архиепископов от папы. Царь Грозный

отдал свою племянницу за лютеранского герцога по нелюбви к ней и потому что ее отец ни в чем не хотел добра государю. Царь Борис, призвав Иоанна в Москву, послал по всем городам за высшими духовными иерархами для договора о вере и крещении, но съезжавшиеся власти не застали герцога в живых. До брака волошского князя Москве нет дела: как хотят, так в своих землях пусть и поступают[56].

Неизвестно, сколько бы продолжались прения о вере и само «дело Вальдемара», но в ночь на 13 июля 1645 г. умер царь Михаил Федорович. Так закончились споры о вере с протестантами, вызвавшие большое возбуждение в московском обществе. Хотя православные богословы приписывали себе победу, но было ясно, как трудно русским бороться с европейскими учеными мужами, которые прямо упрекали их в незнании греческой грамматики и вообще свободных наук. Только с помощью двух греков и киевского монаха русские вышли из затруднительного положения.

Споры велись о превосходстве православия над лютеранами, и в доказательстве русские даже не видели различий между догматическими и обрядовыми особенностями протестантов, одинаково ставя им это в вину. Тогда как датчане пытались доказать, что отличия протестантов и православных лишь внешние.

Православные богословы иногда были загнаны в тупик искусными и логичными возражениями датского пастора и реагировали очень бурно. Так, например, одно из заседаний закончилось такими словами: «...и мы с ними немцы, Матвеем и его товарищи речь говорить перестали, потому что они отговариваются неправдою»[57] Часто в диспутах ответы были следующими: «то умышление чуже есть соборныя и апостольския церкви и далече от истины», «он, поп Матвей, разума слова в Божественном писании не узнал», «не по правде толкует», «о том лжет» и т. д.

Оценивая религиозное сознание русского общества в XVII в., В. О. Ключевский пришел к выводу, что «органический порок древнерусского общества состоял в том, что оно считало себя единственным истинно правоверным в мире, свое понимание божества исключительно правильным... Самодовольно успоко-

ившись на этом мнении, оно и свою местную церковную обрядность признало неприкосновенной святыней, а свое религиозное понимание нормой и коррективом боговедения»[58].

Прения о вере дали возможность сравнить русскую ученость с европейской наукой. Сравнение оказалось не в пользу первой. Прения убедили московскую общественность в необходимости перестройки богословского образования и просвещения. Однако политическая борьба при дворе вокруг «де. Вальдемара» закончилась успехом оппозиции[59] Оказавшийся победителем патриарх Иосиф продолжил свою политику, направленную против иностранцев в Московском государстве. Свобода проводить протестантам богослужение в своих церквах, данная царем Михаилом, вскоре была отнята у них. На просьбу голландцев 3 июня 1648 г. о постройке в Москве кирхи (посольство Бурха), бояре – сторонники патриарха[60] ответили, «что в Московском государстве прежде сего в городе кирки не бывали, и ныне, мимо прежнего обычая быть непригоже...»[61]

В 1648 г. была напечатана «Книга о вере единой истинной и православной, и о святей церкви Восточной», где помещены статьи о крещении, сохранившие отголоски полемики с датчанами: «яко погружати подобает, а не обливати, от прения с латинским капланом и с клевреты его, иже быша Датския зем. с кралевым сыном Вальдемаром»[62].

В Соборном Уложении 1649 г. нашли отражение представления о религиозной терпимости победившей партии. Там строго указано, чтобы в Москве кирхи не были «ни в Китае, ни в Белом и Земляном городех», кроме как за Земляным городом «от церквей Божих в дальнем месте»[63]

В 1652 г. по царскому распоряжению все немцы были выселены за город на берег Яузы, где им предоставлялось место для основания особой слободы. Почти одновременно с этим указом патриарх Никон, продолживший политику своего предшественника, направленную на притеснение иностранцев в Московском государстве, запретил носить иноземцам русское платье, держать русскую прислугу. Все меры были направлены на изоляцию иностранцев, вносивших соблазн в правоверную среду.

Таким образом, бывшая оппозиция, пришедшая к власти, ужесточила свою политику в отношении иностранцев, повли-

яв на общественное настроение. Некоторые слои населения, благодаря антипротестанской пропаганде, до конца XVII в. сохранили полное отчуждение от иноземцев: это были патриарх, духовенство, посадские люди, низшие слои, для которых «немец» был и остался существом из иного мира, пугавшим и раздражавшим своим несходством со всем, что привыкли видеть на родине. Люди высшего общества, образованные, имевшие возможность более тесно общаться с иностранцами, охотнее шли на контакт с ними, перенимали многие европейские обычаи и создавали прецедент для культурного сближения России с Западом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Датский принц Вальдемар, третий сын короля Христиана IV, был приглашен в 1642 г. в Москву для женитьбы на старшей дочери царя Михаила Федоровича, Ирине Михайловне.

[2] См. подробнее об этом: *Филина Е. И.* Придворные группировки в политической борьбе в России 30–50-е гг. XVII в.: Дис. канд. ист. наук. М., 1996.

Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию. М., 1870. С. 112.

[4] Там же. С. 205.

[5] Там же. С. 208.

[6] РГАДА, ф. 51, оп. 1, 1634 г., д. 1.

Лаптева Т. А. Документы иноземного приказа как источник по истории России XVII в. // Архив русской истории. 1994. Вып. 5. С. 119.

[8] *Олеарий А.* Указ. сочинение. С. 210.

Дворцовые Разряды (ДР). Спб., 1851. Т. 2. Стлб. 718.

[10] РГАДА, ф. 375, д. 9, л. 2.

Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // ЧОИДР 1892. Кн. 2. С. 156, 160.

[12] Временник МОИДР 1851. Кн. 9, смесь. С. 5.

[13] Древняя Российская Вивлиотика (ДРВ). М., 1788. Ч. 3. С. 177.

[14] Памятники прений о вере... С. 157.

См. подробнее об этом: *Булычев А. А.* О публикации постановлений церковного собора 1620 г. в мирском и иноческом «Требниках» (М., 1639) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Вып. 2. С. 53.

См. подробнее об этом: *Гренков А.* Собор, бывший в Москве при патриархе Филарете в 1620 г. и его определение // Православный собеседник. Казань. 1864. Ч. 1.

[17] Однако в 1667 г. постановления Освященного Собора 1620 г. были отменены как не имеющие законной силы. Русские богословы руководствовались этим соборным определением в полемике с иноверцами, но в то же время его юридическая обязательность и каноническое достоинство не пользовались у них особенным авторитетом.

[18] Священник И. В. Шевелев Наседка был справщиком Московского печатного двора, истинным борцом за превосходство православной веры. В 1621 г. его послали в Данию в составе царского посольства, имевшим целью сватовство Михаила Федоровича к племяннице короля Христиана IV. За все время своего путешествия Иван Наседка знакомился (по книгам и по личным наблюдениям) с церковной жизнью и учением протестантов в Дании. После возвращения он написал трактат «Изложение на Люторы» (1623), который долгие годы являлся общепризнанным образцом антилютеранской полемики.

[19] *Голубцов А. П.* Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. С. 113.

[20] См. подробнее об этом: *Булычев А. А.* Указ. сочинение. С. 56.

Исследователи не пришли к единой датировке появления комментария. В. К. Былинин и А. А. Илюшин предположили, что комментарий появился в начале 1642 г., тогда как В. К. Зиборов считает, что в 1639 г.

[22] Виршевая поэзия (первая половина XVII в.). М., 1989. С. 61–68.

[23] См. подробнее об этом: *Цветаев Д. В.* Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. М., 1887 С. 101–103.

[21] Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Ч. 2. С. 101.

См. об этом подробнее: *Булычев А. А.* Поучение на моровое поветрие патриарха Иосифа // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 194.

Голубцов А. П. Вступление в патриаршество и поучение к пастве Иосифа патриарха Московского // Прибавление к изданию творений святых отцов в русском переводе за 1888 г. М., 1888. Ч. 42. С. 353.

«Книга о вере» составлена в 1644 г. игуменом Киево-Михайловского монастыря Нафанаилом и представляет собой компиляцию известных автору сочинений полемического толка.

[28] См. подробнее об этом: *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. Гл. 4.

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т. 2. С. 117.

[30] В 1638 г. в переписной книге в Москве отмечена немецкая слобода за Земляным валом между Сыромятною и Мельнишною слободами. Ранее, еще при Иване Грозном, возникла слобода шотландцев за Яузскими воротами, близ Болвановки; позже появилась иноземная слобода за Москворечьем.

[31] См. подробнее об этом: *Нечаев В. В.* Иноземские слободы в Москве в XVI и XVII вв. // Москва в прошлом и настоящем. М., 1992. Ч. 2, вып. 4. С. 20–43.

[32] Патриарх Иосиф занял свою должность 20 марта 1642 г.

[33] «Немцы» покупали русские дома вдвое дороже, тем самым нанося русским значительный материальный ущерб.

[34] РГАДА, ф. 210, д. 30, л. 70.

Акты исторические (АИ). СПб., 1840. Т. 3. С. 114.

[36] Гамбуржец Петр Марселис, приказчик датского короля в России, преданно служил царю Михаилу (в 1643 г. его назначили послом в Данию с высочайшей миссией от русского царя). За службу был пожалован в Московском государстве несколькими заводами.

Об активном участии П. Марселиса в «деле Вальдемара» см. подробнее: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1990. Кн. 5, т. 9. С. 217–234.

[38] РГАДА, ф. 53, 1644 г., оп. 1, д. 2.

Цветаев Д. В. Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. М., 1887. С. 110.

[40] Известие о поездке в Россию Вольдемара Христиана Гильденлеве, графа Шлезвиг-Голштинского, сына датского короля Христиана IV от Христины Мунк, для супружества с дочерью царя Михаила Федоровича, Ириною / Ред. Бишинг. Б. м., б. г. С. 50.

[41] ГИМ ОПИ, Синодальное собрание, № 857, л. 17.

[42] Памятники прений о вере... № 3.

[43] Там же. № 4.

[44] Там же. С. 38.

[45] Там же. С. 61.

[46] Там же. С. 76.

[47] Там же. С. 97–116.

[48] Известие о поездке в Россию Вольдемара... С. 21.

[49] Памятники прений о вере... С. 154.

[50] Там же. С. 155.

[51] См. подробнее об этом: *Филина Е. И.* Придворные группировки в политической борьбе в России 30–50-е гг. XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. Гл. 1.

[52] Памятники прений о вере... С. 160.

[53] По донесениям агента Ю. Филимонатуса из Гданьска известно, «что патриарх и з болшими бояры хотят радости и законному браку помешку учинити» (Вести-куранты 1642–1644 гг. / Ред. С. И. Котков. М., 1976. С. 167).

[54] Перевод с письма, что подал в Посольском приказе дьяком думному Григорию Львову да Степану Кудрявцеву Петр Марселис (7 июня 1644 г.) // Памятники прений о вере... № 12.

[55] Там же. С. 185.

[56] Там же. С. 218.

[57] Там же. С. 201.

[58] *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 3. С. 279.

[59] См. об этом подробнее: *Филина Е. И.* Придворные группировки... Гл. 1.

[60] Бояре М. М. Салтыков, Г. Г. Пушкин, Б. М. Дубровский являлись сторонниками «партии Львова – Морозова», к которой принадлежал патриарх Иосиф (см. об этом подробнее: *Филина Е. И.* Придворные группировки... Гл. 2).

[61] РГАДА, ф. 50, оп. 1, д. 4.

[62] Книга о вере. М., 1648. Л. 204.

[63] Соборное Уложение 1649 г. М., 1988. Гл. 19.